

Москва, декабрь 2002 — 22 руб. — с. 7.

Надежда Бабкина — простая русская женщина из астраханских. Воспитание деревенское, спартанское. Глядя на нее, зритель понимает, что в жизни все очень просто. 150 дней в году она проводит на гастролях. Старости не боится — осваивает Интернет. Обожают информацию обо всем, что происходит в мире. ТВ и газеты — спутники ее жизни. Любимые стихи — “У лукоморья дуб зеленый” и “Что стоишь, качаясь, тонкая рябина”. Спиртного не пьет, тем не менее ее последний диск называется “Как жажнем!”. Всем говорит, что замужем за коллективом, а так свободна. Ее брат — армейский генерал. Пластические операции еще не пробовала. Мяса не ест, рыбу тоже. Предпочитает пищу растительную, соевую, иногда молочную, при этом не изнуряет себя. Комплексов нет. Утверждает, что критиком не под силу обсуждать ее вокальные данные.

Надежда БАБКИНА:

**пародисты
свободны!**

БОЖЬЕГО РЕМЕСЛА

— И долго вы пребывали в таком состоянии?

— Пока не объездили пол-России. На поездках с мешками и костюмами — зимой в валенках, летом в ботинках. Как сейчас помню: стоят женщины на перекрестке, а мы идем мимо с сумками, тащим костюмы. Одна из них вслед: вот, мол, спекулянты чертовы. Я говорю: нет, мы артисты. Они тогда все зашипили: да какие вы артисты, гляньте на себя — мы тогда тоже балерины. В таких случаях я всегда своим девочкам говорила: “Девочки, терпите, до первого открытия рта. Каждый раз, когда мы начнем петь, все вокруг нас изменится. Терпите и ждите. Обязательно будет что-то очень важное в этой жизни. Надо, наверное, заслужить”. В зале сидело тогда три человека. Потом 30, потом сотни, теперь тысячная и миллионная аудитория по ТВ смотрит и слушает Надежду Бабкину и ансамбль “Русская песня”. Нам было очень трудно, и, чтобы другие не мучились, я решила — у нас обязательно должны быть преемники. Для начала я прослушала 78 человек и отобрала 4 девочки. Они работают уже 8 с лишним лет.

— “Русская песня” — это в основном женское начало?

— Долгое время все так и думали, и, когда появились ребята, меня многие осуждали, говорили: зачем Бабкина все испортила, было так красиво.

— Тем не менее матриархат удалось сохранить?

— Парни у нас очень хорошие — колоритные, имеют прекрасные тембральные краски. Но все равно основа коллектива “Русской песни” — женская. Мальчишечьи голоса только приукрасили, дали нам новую краску. Их тембр слился с женскими голосами.

— В коллективе для девочек вы добрая мама или злая мачеха?

— То, что не добрая мама, — это точно. Наша работа — это колоссальный труд. Это поездки, социальная неустроенность, внеурочные репетиции. С утра до вечера. Неограниченно. Я человек трудоспособный, и я деспот в работе — это мое право. Я понимаю, что не каждый из них может это выдержать. Но я хочу, я требую результата и не когда-нибудь, а немедленно, одну секунду.

— А если не получается?

— Тогда я прошу: дайте не голос, а текст, пожалуйста. Сначала я хочу услышать слово. И на слово красиво нанизанный, как бусинки, ваш тембр. И получится, как будто журчит речечка такая красивенькая. А теперь спойте мягче то же самое... Если так заниматься часами, то получится. Нужно еще немножко кокетства, красивые тембры и микрофоны, которые не зашкаливают.

— Вы действительно поете народные песни, если да, то где вы их находите?

— Раньше я выезжала в т.н. фольклорные экспедиции. Но вообще самый плодотворный песенный край — это средняя полоса России, юг России, казачья вотчина, потому что это свобода, это воля. Я сама казачка, поэтому рассказываю об этом так убежденно, со знанием дела.

— Это правда, что вы профессор Гнесинки?

— Да. Я занимаюсь с экспериментальной группой “Славяне”. У них русский репертуар из разных регионов России и славянская музыка. У них есть детские программы разных обрядов по временам года. Эта группа хороша тем, что большую часть составляют студенты. Они таким образом проходят некую стажировку, в результате которой понимают, для чего они учатся: чтобы стать преподавателями, заниматься с детьми или взять путь на профессиональную сцену.

— Кто ваши конкуренты на сцене?

— Ансамбль Димы Покровского, мы были созданы в одно время и были реальными оппонентами. Мы учились вместе, сидели за одной партой. Когда не стало этого коллектива, я поняла, как плохо без оппонентов. И я сама себе стала создавать конкуренцию, придумывать другие коллективы. Без этого нет движения.

— Вы вообще любите руководить?

— Мне приходится держать все под контролем, потому что есть моменты, которых я не терплю. Впервые, это пошлость и хамство на сцене. Я также не терплю оскорблений любых национальных традиций, в том числе и русских. Этого делать просто нельзя. Нужно чувствовать эту грань и не переходить. У каждого народа есть свои языны, у каждой традиции или культуры есть свои языны. И, как правило, их надо припрятывать, а не выпячивать. Те, кто выпячивает, оскорбляют зрителя.

— Вас можно назвать русской националисткой?

— Ну зачем так — просто не надо стесняться, что мы живем в России, что мы русские. Потому что как только заходит вопрос о русскости, то почему-то все сразу начинают мяться. Говорят: ну что вы, что вы, нас так много, давайте говорить о меньшинствах. “Минуточку, — говорю тогда я, — давайте говорить о всех культурах, которые соединены в едином мегаполисе, который называется Россия и пронизан русскостью”. Мы живем на территории под названием Россия — у нас есть потрясающие глубинные генетические корни.

— Вы проводите конкурс имени Ольги Ковалевой, конкурс народной песни, фестиваль “Казачий круг”, куда приезжают казаки со всей России. Кто финансирует все это? На это же требуются бешеные деньги.

— Огромные деньги. Хожу с протянутой рукой. У меня есть плакат потрясающий, где я стою в кокошнике, в народном костюме, вокруг меня все действия из русской песни, а я с протянутой рукой. “Послушайте, Бабкина без бабок — мы вам не верим”, — говорят некоторые толстосумы. Так что у меня еще из-за фамилии проблемы. Но я скажу так: все же финансируют. Я искренне благодарна Юрию Лужкову, потому что правительство и мэрия Москвы помогают нам в этих проектах, которые, я верю, очень важные и нужные. Понимаете, я могла бы спокойно жить и заниматься своей собственной жизнью. У меня есть чем заниматься, есть что петь, куда ездить, перед кем выступать. Но тем не менее моя душа неспокойна. Она требует выхода в общество, всенародного масштаба.

— В чем ваша собственная уникальность как певицы?

— Я вам скажу так: певиц народного жанра достаточно, и поют многие, очень хорошо, но, как правило, они очень похожи друг на друга. Пародистам, которые пытаются их изобразить, это очень легко дается. Но нет ни одного пародиста — ни женщины, ни мужчины, — который мог бы спародировать мой голос. Это правда. Они могут спародировать жест, мимику, поведение на сцене, там, хлопнуть ножкой, рукой взмахнуть — но не больше. А по тембру — бесполезно. Давно, когда я захотела петь, то слушала Русланову, Мордасову, Зыкину. Людмила Георгиевна была безумно популярна, и все хотели быть на нее похожи. И я, естественно, туда же. Вы не представляете, как мне это легко удавалось, очень легко, не было никаких проблем. Но потом я поняла, что этого делать нельзя. Надо делать что-то свое, надо пытаться. И я занялась собой основательно — записывала что-то на магнитофон, придумывала. И однажды получилось что-то ни на кого не похожее.

— Не страшно было первый раз себя, такую оригинальную, подавать зрителям — вдруг не приняли бы?

— Нет, не страшно. Дело в том, что я не рассчитывала только на красоту звука, голоса, тембра и так далее. У меня есть некоторые песни, где я могу зацепить. Я могу сразу всех “накрыть” одна. Так, что никто не скажет, что это плохо, потому что это правда хорошо. Это божье ремесло — мне дано через связи воспроизводить то, что мне не принадлежит.

— Почему же вы забросили сольное пение?

— Однажды мне безумно понравилось многоголосье русской песни — оно не может не нравиться, я об этом говорила много раз и буду утверждать всегда. Меня это притянуло, и я посвятила всю оставшуюся жизнь этому. Из 30 с лишним лет творческой деятельности я честно отдала коллективу “Русская песня” 25, уже даже 26.

— Надежда Георгиевна, сколько вам лет?

— Еще чего! Я не знаю. У Олега Газманова был день рождения, он и говорит: “Слушай, у меня юбилей — полтинник исполнился”. Я говорю: “Да брось ты. Разве так себя ведут в полтинник?” Он говорит: “Надя, это точно. Я иногда просто с ума схожу, забываюсь”. Я говорю: “Ты знаешь, когда меня спрашивают, сколько мне лет, я сразу начинаю отсчитывать, с какого же я года”. Это как стоп-кадр. А вообще я не знаю и не хочу даже знать!

Элина НИКОЛАЕВА.

ТЕНАДИИ ЧЕРКАСОВ

ДЕСПОТ

— Когда человек живет, это большое счастье. Утром просыпаешься, а тебя ждет неизвестный мир. И нужно петь-напевать, когда умиваешься, когда моешь посуду, полы — напевать что угодно. Ну а уж народные песни, они будят еще и национальное самосознание — начинаешь чувствовать и понимать красоту и гармонию всей природы — так Надежда Бабкина кратко формулирует свою творческую философию, в основе которой простое счастье — петь т.н. народные песни.

— Судя по вашей биографии, “красоту и гармонию родной природы” вы начали понимать лет назад?

— Да, нашему основному коллективу — ансамблю “Русская песня” — исполнилось 25 лет. Я этим очень горжусь, потому что для меня цель жизни не в том, чтобы самой выходить на сцену, быть известной, популярной и почитать на лаврах. Оправдание моей жизни — “Русская песня”, в которой, кстати, сменились уже четыре поколения.

— При коммунистах вам, наверное, легко было раскрутить свой ансамбль? Тогда народный жанр был в почете.

— “Русскую песню” я придумала, сидя в общении и раздумывая, куда бы пристроиться. И никому мы не были нужны. Мы существовали при оркестре русских народных инструментов, где числились “домрами”, “балалайками” и “гуслиями”. Вокальных единиц у них не было. Нам откровенно говорили: “Кому вы, собственно, нужны — вы пропадете!” И только спустя годы, пройдя десятки конкурсов, фестивалей и художественных — тогда их было несметное количество, нас приняли в Московскую концертную организацию. Мы были счастливы уже этим, хотя в Москве нам никто не давал никаких центральных площадок. Мы выезжали в разные деревушки, в красивые уголки и там самозабвенно пели. Об известности, популярности мы даже не мечтали.